

ЖЕНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ГОРСКО-КАЗАЧЬИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVIII–XIX ВВ.

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2021

Аннотация. В статье представлены некоторые аспекты межэтнических отношений на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Продолжительное время соседствуя и взаимодействуя с кавказскими народами, казачество впитывало в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть своих горцам. Показано как это взаимовоздействие проявилось в сфере женских интересов, а также в их судьбах. Происходил процесс непосредственного включения казачек в процесс интеграции кавказских народов в состав Российского государства в рамках как военного противостояния, так и торгово-дружеского взаимодействия. Исследуются основные факторы, повлиявшие на эволюцию менталитета и поведенческих стереотипов казачек: военная агрессия горцев; наличие мирных аулов; торговые, куначеские и аталыческие отношения с кавказцами; родственные связи с женщинами и детьми горцев и т.д. И если нападения горцев способствовали выработке боевых навыков, то остальные факторы наоборот приводили к снижению потенциальной ксенофобии, к развитию взаимопонимания и добрососедских отношений. Особое влияние на стабилизацию межэтнического взаимодействия оказывала практика заключения русско-горских браков. В статье подчеркивается роль женщины, как стабилизирующего фактора в отношениях между казаками и горскими народами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, женщина, казачки, горянки, взаимоотношения, хозяйство, брак, семья

Для цитирования: Варивода Н.В. Женская составляющая в горско-казацких отношениях в XVIII–XIX вв. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 35–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46

Original article

THE FEMALE COMPONENT IN MOUNTAIN-COSSACK RELATIONS IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2021

Annotation. The article presents some aspects of interethnic relations in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries. For a long time, being neighbors and interacting with the Caucasian peoples, the Cossacks absorbed new features into their culture and way of life, at the same time transferring some of their own to the highlanders. It is shown how this interaction manifested itself in the sphere of women's interests, as well as in their destinies. There was a process of direct inclusion of the Cossacks in the process of

integration of the Caucasian peoples into the Russian state within the framework of both military confrontation and trade and friendly interaction. The main factors that influenced the evolution of the mentality and behavioral stereotypes of the Cossacks are investigated: military aggression of the Highlanders; the presence of peaceful villages; trade, kunach and atalych relations with the Caucasians; kinship with women and children of the Highlanders, etc. And if the attacks of the mountaineers contributed to the development of combat skills, the other factors on the contrary led to a decrease in potential xenophobia, to the development of mutual understanding and good-neighborly relations. The practice of concluding Russian-mountain marriages had a special influence on the stabilization of interethnic interaction. The article emphasizes the role of women as a stabilizing factor in the relations between the Cossacks and the mountain peoples.

Keywords: North Caucasus, woman, cossacks, mountain women, relationships, economy, marriage, family

For citation: Varivoda N.V. The female component in mountain-cossack relations in the XVIII–XIX centuries. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 35–46. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46

Происшедшие в российском обществе решительные перемены повлекли за собой всплеск социально-политической активности женщин. Возросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования значимости и места женщины в обществе особенно актуальной.

Жизнь гражданского населения Северного Кавказа, особенно в период Кавказской войны, слабо представлены в науке. В свою очередь, это мешает складыванию полноценной картины существования казачества в тот период, в частности касаясь вопросов участия и роли женщин в процессах взаимодействия казаков и горцев. Это, безусловно, актуализирует избранную нами тему исследования.

Связи казаков и горцев, имевшие длительное время спорадический характер, с конца XVIII в. становятся все более и более регулярными, казачество начинает превращаться в одну из равноправных сторон северокавказского общества, а в XIX в. их исторические судьбы оказались нераздельно связанными друг с другом, поскольку происходил активный процесс вхождения казачества в этнокультурное и экономическое пространство региона. Оказавшись в иноэтническом окружении и находясь в непосредственном контакте с местным населением, казачество впитывало в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть своих культурных навыков горцам. По-особому это взаимовоздействие проявилось в сфере женских интересов, а также в их судьбах. Повседневная жизнь казачек Северного Кавказа проходила на стыке многообразного взаимодействия казачества с горцами, включавшего как военную агрессию, так и торговые, дружеские и даже родственные отношения между обеими сторонами.

Уклад жизни каждого народа характеризуется определенными особенностями, свойственными только этому народу или этнической группе. Особый военизированный быт горских народов и казаков, безусловно, способствовал созданию у них своеобразных черт характера [Мутиева 2010: 212]. На это обращала внимание Л.Б. Заседателяева, по мнению которой, «безусловно, факторы внешнего порядка: затяжные русско-иранские войны, походы крымских татар и междоусобные распри северокавказских феодалов – все это с самого начала накладывало сильный отпечаток на быт и культуру казачьего населения края, способствовало созданию своеобразного военизированного уклада жизни...» [Заседателяева 1984: 38].

Определенный уклад жизни, накладывал свой отпечаток и на женщину. А.А. Цыбулькикова считает, что наиболее военизированными были те, «кто жил или в пограничных районах, или в условиях междоусобных войн, именно в таких условиях женщинам приходилось заниматься самообороной. Сугубо пограничной является воинственность российских казачек, в том числе и «кавказских» (гребенских, терских, кубанских). В силу принадлежности к воинскому сословию и частому вовлечению в пограничные столкновения казачки в большинстве своем

обладали не только специфическим военно-адаптированным менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками – владели шашкой, кинжалом, ружьем, пистолетом» [Цыбульникова: эл. ресурс].

То есть, суровые реалии пограничной жизни потребовали от казачек новых умений. Они стремились получить боевые навыки не из праздного любопытства, а из необходимости, диктуемой военной реальностью. Приемы обращения с холодным и огнестрельным оружием давали казачкам больше шансов выжить при нападениях неприятеля, как на них лично, так и на их станицы. Мужья старались научить жен необходимым навыкам обороны и управления конем. Известны примеры участия казачек в соревнованиях по наездничеству и джигитовке. Воспитанию боевого духа служили рассказы стариков о ратных подвигах и доблести предков, которые рассказывались не только мальчикам, но и девочкам [Цыбульникова 2004b: 59].

Постепенно у женщин-казачек сформировалось военизированное мировоззрение, позволяющее им заменить мужей не только в хозяйственной, но и в военной сфере жизни, в рамках последней и происходило столкновение казачек с горцами. В истории казачества отмечено немало фактов, когда женщины принимали участие в боевых действиях по обороне своих станиц наравне с мужчинами.

В.А. Потто отмечает, что в 1774 г., во время первой русско-турецкой войны, станицу Наурскую осадил отряд неприятеля численностью до 8000 человек [Потто 1994: 78]. Нападавшие знали о том, что строевые казаки еще не вернулись из похода, и в станице, помимо легионной команды, находятся лишь старики, женщины и дети, поэтому рассчитывали легко захватить Наурскую. Казачки в парадной одежде с ружьями, косами и серпами в руках встали плечом к плечу с защитниками станицы. Женщины жгли костры, кипятили воду и смолу, которыми обливали нападавших, подтаскивали ядра, перекатывали орудия, а также принимали участие в рукопашных стычках. Встретив ожесточенное сопротивление и не добившись своей цели, противник вынужден был отойти, потеряв убитыми около 800 человек. Комендант Моздока, в своем донесении об этой битве писал: «Некоторые не только казачьи жены, но и девки, иные с ружьями, а прочие с косами к отражению неприятеля так вспомоществовали, что из баб оказались такие, кто из ружей стреляли зарядов до двадцати, а одна из них, будучи с косой, у неприятеля, при устремлении его на вал к рогатке, срезала голову и завладела его ружьем» [Потто 1991: 264].

В.А. Потто указывает, что «оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта» [Потто 1994: 79]. Указом Екатерины II особо отличившиеся казачки были награждены медалями, а дни 10 и 11 июня отмечались в станице как особый Бабий праздник [Щупленков 2016: 29].

О смелости и решительности наурских казачек писал декабрист А.П. Беляев, живший в Науре в 1840-х гг.: «Случались иногда и геройские подвиги со стороны казачек. Рассказывали, как одна казачка, уже похищенная и увлекаемая через реку, выцарапала руками глаза своему похитителю и успела спастись вплавь» [Беляев 1882: 475].

Подобным героизмом отличались не только наурские казачки. Очень часто в станицах можно было встретить женщин, награжденных боевыми медалями. Так, за храбрую оборону обоза от нападения горцев в 1826 г. под Екатеринодаром все участвовавшие в бою казачки получили пайковое содержание, а особо отличившиеся были награждены медалями.

В историю славы казачества вписала свое имя Марианна Горбатко, жена командира Липкинского поста, которая погибла вместе с мужем в рукопашной схватке при нападении многократно превосходящих сил горцев на пост 4 сентября

1862 г. Ее храбростью были потрясены даже нападавшие, а на месте ее гибели до сих пор стоит памятник [Щупленков 2016: 34].

В «Военном вестнике» за 1870 год описан случай, когда шестеро горцев напали на шестнадцатилетнюю казачку Анну Сердюкову, работающую на огороде за пределами станицы. Будучи раненой, она смогла убить нападавших. За свой подвиг Анна Сердюкова получила золотую медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пансион в 50 рублей серебром и золотой браслет – подарок главнокомандующего, князя Воронцова [Кубанский, Басханов 1990: 3].

Все вышеперечисленные примеры доказывают, что героизм отдельных казаков основывался не просто на личной храбрости, но в первую очередь на военных традициях казачества [Цыбульникова 2012: 107].

Случай с Анной Сердюковой являлся далеко не единственным. Казачкам было крайне сложно выполнять хозяйственные обязанности вне территории станиц, так как их выезды на работы в поле, на огород, в степь, в лес, на водоем или по другим делам требовали беспрецедентных мер безопасности и были сопряжены с риском для жизни. Так, 10 % пострадавших от горцев женщин попали в плен, были убиты или ранены в результате нападения закубанцев вне населенных пунктов, во время хозяйственных работ на околотаничных участках и во время поездок в другие населенные пункты [Цыбульникова 2012: 100].

Так, черноморская казачка Матрона Хандрумайлова, которая «1836 года января 6 дня доставлена при донесении Екатеринодарской карантинной конторы от 5 января за № 21 в дежурство Черноморской линии, вымененная от черкес из-за Кубани...», свидетельствовала, что «зовут меня так точно, как выше значится, лет от роду 30-ть, веры православной, у исповеди и причастия святых таен ежегодно бывала, уроженни от отца Павла и матери Селевновых, Войска Черноморского жительна города Екатеринодара, назад тому, не припомню какого числа, в июле месяце прошлого 835 года в первый день Петрова поста я имела отлучку по собственной надобности для нарубки хвороста, в Черном лесе, воротясь оттуда, минувши Елизаветинский курень расстоянием, как полагать, верст 4-ре от онаго вдруг, неизвестно где взялись, 5 человек пеших шапсугов схватили, а ехавшая со мною женщина, по имени и призвании неизвестна, скрылась в камыш, тем спаслась, а меня увезли с собою за Кубань в горы. В ауле мне неизвестном, а называемом Абазсхский, проживши в оном полтора месяца, после того продали далее в горы армянину и двум черкесам абазсхам же, мне неизвестным, за две штуки рогатого скота и медный котел, пробывши в них до того времени, пока явились в горы покупатели русских пленных и армянин Иванес, который, купивши, доставил меня на Екатеринодарский меновой двор. Что же касается до чумной заразы и других болезней в горах, я не заметила и о намерениях горцев напасть на границы наши каких либо сборищ я не видела, русских же пленных в горах проживает много» [Клычников 2010: 192].

Горские набеги были одним из деструктивных факторов, который дестабилизировал ситуацию на Северном Кавказе. Часто жертвой «хищников» становились женщины, которые являлись для них желанной добычей. Основной целью нападения горцев на казачек являлось их пленение с дальнейшей продажей или использованием в качестве служанок, наложниц или жен. Главными покупателями «живого товара» являлись другие горцы, турецкие контрабандисты, а также российская сторона, оплачивавшая возвращение пленниц на родину [Цыбульникова 2004а: 15].

Горцы собирались в большие партии осенью, так как большая часть боеспособных мужчин освобождалась от сельскохозяйственных работ, и совершали массовые нападения. Так, в октябре 1831 г. при нападении закубанцев на ст. Григорополисскую 1 женщина была убита, 4 – ранено, 103 попало в плен. А в ноябре 1842 г. горцы захватили 87 женщин и детей в ст. Темнолесской. Весной в связи с апрельским таяньем льдов большинство происшествий приходилось на март и

май. Именно в мае в 1807 году закубанцы под предводительством Султан-Гирея взяли в плен 136 душ мужского и 179 женского в ст. Воровколесской [Цыбулькина 2012: 98].

Чаще всего горцы нападали ночью, особенно если речь шла о крупной станице [Фролов 1995: 107]. Казаки, занятые обороной, не могли в достаточной мере уследить за всеми передвижениями горцев и предотвратить захват пленниц. Так, в 1804 г. большая партия закубанцев «сполночи часу в 4-м» переправилась через Кубань и разделилась на две части: одна сдерживала натиск 70 казаков, оборонявших екатеринодарский пригород, другая грабила дома. До того, как подошла помощь, горцы «похитили бывшего в болезни жителя Степана Белоуса с женою Марией и малолетней дочерью их Натальею с избы для спасения себя вышедших...» [Цыбулькина 2012: 100].

Во время нападения на станицы в садах прятались женщины и дети, так что у садов была не только продовольственная, но и защитная функция. Особенно эффективно метод срабатывал, если о планирующемся налете врага было известно заранее и происходил он в ночное время. Горцы знали о том, что женщины могли спрятаться в садах, и поэтому, если позволяло время, обыскивали их [Смирнова, Пороло 2016: 224].

Наиболее беззащитными даже перед нападениями горцев оказывались жительницы хуторских хозяйств. А.П. Ермолов, возглавлявший кавказские войска в 1816–1826 гг., полагал, что хутора являются одними из основных объектов набегов горцев. Поэтому войсковое начальство старалось препятствовать выделению жителей из станиц в самостоятельные хозяйства, так как имеющимися на кордонах силами не было возможности защищать индивидуальные поселения. Хуторяне должны были большей частью сами обеспечивать себя защитой.

Одной из главных целей горских набегов был захват в плен, и в первую очередь молодых женщин. Уже в 1818 г. генерал А.П.Ермолов делает вывод, что без искоренения нападений с целью увлечения «в плен людей...» невозможно достичь «...спокойствия и безопасности» [Клычников 1999: 14–15]. А.А. Цыбулькина проанализировала количество пострадавших от агрессии закубанцев казачек Кубани с конца XVIII до середины XIX века, показав, что подавляющее большинство женщин становились пленницами: взято в плен – 94 % от общего числа пострадавших женщин и девочек, легко ранено при попытке захватить в плен – 1 %, убито и смертельно ранено – 5 % [Цыбулькина 2012: 108].

В дореформенный период меновые двory служили местом обмена и выкупа пленников. Например, на имя наказного атамана Черноморского казачьего войска из станицы Баталпашинской поступил рапорт, в котором говорилось, что за казачку Орину Королду, взятую в плен, закубанцы просят в уплату сто пятьдесят пудов соли [Бурыкина 2012: 25].

Вернуться в станицы пленницы могли в трех случаях: вымена, выкупа и побега. Особенностью вымена являлось стремление российских властей поскорее избавиться от горских пленников, так как их приходилось содержать, а не использовать в качестве рабочей силы, как это делали кавказцы с русскими пленными. Поэтому часто власти шли на невыгодный для казаков обмен – одна казачка менялась на 2–3 человека. Этот способ считался наиболее приемлемым, так как он требовал минимальных затрат и не представлял угрозу жизни пленниц.

К выкупу российская администрация прибегала только после того, как были исчерпаны все альтернативные методы – возвращение пленников силой или вымен.

Побеги были более редкими способами освобождения из плена, чем выкуп или вымен, так как были связаны с риском для жизни и здоровья пытающихся сбежать. На беглых пленниц горцы устраивали настоящую охоту. Невольниц, уличенных в попытке побега, жестоко наказывали и помещали в еще более худшие условия. Тем не менее многие россиянки не оставляли попыток сбежать, причем

вместе с детьми, зная, что рано или поздно их разлучат. Так, в мае 1820 г. из плена сбежали две казачки полтавского куреня, одна из них с малолетней дочерью [Цыбульникова 2012: 115].

Судьбы русских женщин в горах могли быть различны. Плененные казачки в горах могли стать женами свободных горцев, их наложницами, женами рабов, а иногда супругами российских беглых военных, просто работницами. Горцы очень редко женились на своих пленницах, чаще пленные казачки выходили замуж за попавших в неволю казаков или крестьян. Так, захваченная в 1820 г. с двумя дочерьми казачка София Власенко была выдана ее владельцем черкесским дворянином Супако замуж за русского человека. В марте 1824 г. она была выкуплена из плена бывшим мужем вместе со своим двухлетним «незаконнорожденным» ребенком [Цыбульникова 2010b: 258]. В 1822 г. в ауле Тау-Султана Атажукина солдаты обнаружили «среди обычных кабардинских саклей русскую избу, светлую, просторную, с крылечком и вычурными украшениями; рядом был огород с чисто русскими овощами... Оказалось, что изба принадлежала пленной казачке, захваченной самим Тау-Султаном в станице Павловской. Он так полюбил ее, что не хотел слышать о выкупе, и она повела его домашнее хозяйство на русский лад» [Потто 1904: 55–56].

Вполне объяснимо стремление черкесов женить своих рабов, так как рожденных детей, когда они крепки, отнимали у родителей и продавали [Клычников 2004: 72].

Часть казачек продавалась горцами турецким контрабандистам и вывозилась на рабовладельческие рынки Османской империи, Аравии и Египта. Главным потребителем женского «живого товара» на северо-восточном побережье Черного моря являлась Османская империя. К XIX веку вывоз невольниц с территории Северо-Западного Кавказа на Восток приобрел значительные размеры. Например, согласно российским источникам в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось до 4000 тысяч человек, невольников обоего пола [Цыбульникова 2010a: 280]. Обычно пленницы привозились на побережье горцами.

Отношение горянок и казачек к плену было различным, т.к. основывалось на этнической разнице культур. Если для горянки продажа в Турцию являлась шансом вырваться из нищенской среды, то для казачки это было противоестественной судьбой. Ведь мировоззрение российских женщин было основано на совершенно других культурных традициях. Большинство, попадая в горскую среду, они не принимали новых традиций, при малейшей возможности пытались сбежать, и только прожив долгие годы в горах, обзаведясь детьми и вынужденно сменив веру, они смирялись со своим положением. Для тех казачек, которые по воле случая оставались в горах на долгие годы, характерен процесс деэтнизации. Следствием чего является то, что даже при появившейся после окончания войны возможности вернуться к родным, эти женщины оставались в горской среде, т.к. не могли, а иногда и не хотели вписаться в социальную структуру станиц.

Горско-казачьи отношения отличались многообразием и помимо проявлений военной агрессии, наблюдалось множество форм мирного взаимодействия, менявших культурный облик обеих сторон. Встречались многочисленные эпизоды торговых, дружеских и даже родственных связей, в которых женщины играли важную роль. В свою очередь процессы взаимопроникновения казачьей и горской культур отразились на самых разных сторонах женской жизни.

Так, наблюдалось влияние сельскохозяйственных и животноводческих кавказских традиций на хозяйственные обязанности казачек, на плечи которых ложились самые разнообразные работы по дому, в поле, в уходе за скотом в связи с военной службой казаков, предполагавшей долгое и довольное частое отсутствие. Под влиянием горцев изменилась и традиционная кухня казачества [Мутиева 2004: 12]. Казачки научились изготавливать из просяной муки саламату, квашу или кулагу, заменявшую хлеб, и напоминавшую по способу приготовления и использованию

пастэ – пшеничную кашу соседних адыгских народов Северного Кавказа [Заседателя 1984: 51]. Женщины стали готовить кабачковую икру, мамалыгу, острые соусы, восприняли от горцев также технику и приемы обработки продуктов скотоводства. Большой популярностью пользовался соленый и сушеный овечий сыр, а также мучные изделия с добавлением в пресное тесто соленого творога и сыра. Гребенские казаки позаимствовали и любимое кушанье чеченцев и ингушей «да-тыкадор» – смесь творога с топленным маслом. У горцев славяне восприняли ряд национальных блюд – чуреки, мамалыгу, хатламу, лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т.д., хенкал.

Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, впервые устанавливалась форма обмундирования. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды [Омельченко 1991: 121]. В связи с этим в традиционные сборы мужа на войну постепенно вливаются горские элементы. Казачкам приходится перешивать обмундирование мужей на черкесский лад. Новые элементы одежды требовали особого ухода (особенно папахи и бурки) и женщины не могли обойтись без советов мирных горцев.

На женский костюм горская одежда повлияла больше всего у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застежками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок [Невская 2008: 185]. Обувью служили сафьяновые чуваки горского покроя. Зимой носили вязаные шерстяные носки.

Примером восточного влияния на женскую одежду русского населения региона был женский бешмет, сшитый из ситца, распространенный в первой половине XIX в. [Тхамокова 2000: 95].

Влиянием горского быта объясняется и пристрастие казачек к косметике и металлическим украшениям. Казачки носили шейные украшения из золотых и серебряных монет (припойки), «монисты», серебряные пояса, янтарные и коралловые бусы, «чеченские браслеты», серьги и кольца. По кавказским рецептам готовились косметические средства, казачки красили сурьмой брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо [Заседателя 1984: 54].

Важным фактором, способствующим взаимодействию коренных народов региона и казаков, являлась торговля. Если на более ранних этапах стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России, то форсирование данного процесса царской администрацией привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную, спонтанную адаптацию друг к другу. Однако даже в этих условиях существовали определенные элементы сотрудничества, что диктовалось необходимостью приспособиться, ужиться вместе в составе империи, которая в итоге и тем, и другим определяла основные условия и порядок жизни. Торговые связи казаков с горцами не прерывались и в период Кавказской войны.

Торговля занимала существенное место в казачьем хозяйстве и считалась в основном мужской обязанностью. При этом мелкая торговля, которая рассматривалась в качестве продолжения домашнего производства, относившегося к преимущественно женской сфере труда, осуществлялась самими женщинами. Журналист Ю.Шидловский, описывая кизлярский базар середины XIX в., отмечал на нем «осетина, продающего сыр и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина с медной посудой, киста и чеченца с ружьями и шашками, караногайца с овцами и козами, калмыцкими тулупами, ергаками и мерлушками, терского

казака с оружием и рыбой. Костюковский кумык привез дрова и таркалы, аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, армяне и грузины предлагают вам ягоды, овощи и фрукты. *А там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленной, Натурской и других станиц терских, сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т.п...*» (выделено нами – Н.В.) [Великая 2001: 122].

Одним из важных продуктов обмена являлись вытканые казачками холсты. В свою очередь горцы привозили для женщин в станицы на обмен корень марены (естественный краситель) и лист кустарника желтинника (для дубления). Вместе с возникновением российско-горских меновых дворов, первый из которых был учрежден в г. Екатеринодаре в 1794 г., в обиход казачек вошли различные черкесские товары, ремесленные изделия [Цыбульникова 2008].

Важное значение в налаживании горско-казачьих отношений играло возникновение родственных связей. Встречались случаи усыновления казачками осиротевших пленных детей-горцев, которые попадали к казакам после взятия аулов. Эти дети не просто росли в казачьей среде и в процессе этого «оказывались», вырастая, они обзаводились семьями здесь же, в станицах, внося тем самым горскую кровь в общий казачий генофонд. В станице Ильской Секлетей Моисеевна Кийко вышла замуж за выросшего в этой станице черкеса Ивана Кучму (по воспитателю Никифору Кучме). У них родилось семеро детей [Цыбульникова 2008].

Новые культурные особенности в жизнь казачек вносили и черкешенки, вступавшие в браки с казаками. Межэтнические браки характерны для всех групп казачества, казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население, рождались с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы. Например, гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. Как отмечает Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [Щербина 1992: 337]. Наиболее частым способом получения невесты стало широко распространенное на Кавказе «умыкание», т.е. похищение девушки.

В свою очередь и казачки иногда становились женами кавказских горцев, и в основном тоже путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. Так, по свидетельству А.В. Верховых, похищенная горцами казачка из станицы Воздвиженской вышла замуж за черкеса и на предложение вернуться в станицу по прошествии 20 лет ответила следующее: «Я поехать не поеду. У меня уже тут семья. И дети» [Цыбульникова 2008].

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества. Этот своеобразный обычай кавказского побратимства связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Возникающие связи имели двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. В момент обострения военной ситуации кунаки привлекались для освобождения из плена родственников. Куначество было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружеских связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи, ценила добрососедские отношения. Были случаи, когда дети кунаков-горцев воспитывались в казачьих семьях.

Таким образом, с появлением казаков на Северном Кавказе, между ними и горцами налаживаются устойчивые взаимосвязи, носившие разнообразный характер. Кавказская война поставила это взаимодействие в жесткие рамки, но горско-казачьи отношения далеко не всегда носили характер военного противостояния, было множество форм мирного взаимодействия, менявших культурный облик обеих сторон. Во многих из этих процессов участвовали женщины – и горянки, и казачки. Влияние иной этнической культуры проникало в их хозяйственную деятельность, меняло состав их семей и представления об окружающем мире, приводило к снижению потенциальной ксенофобии, способствовало складыванию межэтнического взаимопонимания, развитию добрососедских отношений.

Список источников

- Беляев 1882 – *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 507 с.
- Бурыкина 2012 – *Бурыкина Л.В.* Казаки и горцы Северо-Западного Кавказа: поиски взаимопонимания (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 8. Майкоп, 2012. С. 22–28.
- Большая 2001 – *Большая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир: АГПИ, 2001. 191 с.
- Заседателева 1984 – *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 38–64.
- Клычников 1999 – *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Армавир: АПИ, 1999. 134 с.
- Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 113 с.
- Клычников 2010 – *Клычников Ю.Ю.* Новые документальные свидетельства о женщинах – жертвах горских набегов в первой половине XIX века // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 192–196.
- Кубанский, Басханов 1990 – *Кубанский М., Басханов А.* Казачка Сердюкова // Ленинское знамя. 1990. №№ 39–41.
- Мутиева 2004 – *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терка в XIX–начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Махачкала, 2004. 20 с.
- Мутиева 2010 – *Мутиева О.С.* Женщины-горянки в общественно-политической жизни Дагестана (XIV–XIX вв.) // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 212–217.
- Невская 2008 – *Невская Т.А.* Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 180–188.
- Омельченко 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
- Потто 1904 – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.
- Потто 1991 – *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.
- Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. I. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 678 с.
- Смирнова, Пороло 2016 – *Смирнова В.К., Пороло Л.Ю.* «Женский вопрос» в казачьем сообществе XVI – начало XX вв. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2. С. 222–228.
- Тхамокова 2000 – *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 239 с.

Фролов 1995 – Фролов Б.Е. Организация обороны черноморской кордонной линии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 101–111.

Цыбульникова 2004а – Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. 28 с.

Цыбульникова 2004б – Цыбульникова А.А. Формирование боевых навыков у казачек Кубани в конце XVIII – середине XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар–Армавир, 2004. С. 57–59.

Цыбульникова 2008 – Цыбульникова А.А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m-sergl.livejournal.com/258782.html> (дата обращения 20.09. 2021).

Цыбульникова 2010а – Цыбульникова А.А. Турецкие работоторговцы в процессах северокавказского пленопродавства: вывоз кавказских и российских пленниц на восток в XIX веке // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 279–289.

Цыбульникова 2010б – Цыбульникова А.А. Южнороссийские казачки в процессах традиционного пленопродавства: судьбы «кавказских пленниц» в XIX в. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2010. С. 257–260.

Цыбульникова 2012 – Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир: Полипринт, 2012. 236 с.

Цыбульникова: эл. ресурс – Цыбульникова А.А. Феномен женской воинственности у народов Северного Кавказа. К постановке проблемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/neighbors/peoples-north-caucasus/fenomen-zhenskoy-voinstvennosti-u-narodov-severnogo-kavkaza-k-postanovke-problemy/> (дата обращения 13.08.2021).

Щербина 1992 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 1. Краснодар: Советская Кубань, 1992. 736 с.

Щупленков 2016 – Щупленков О.В. Были бы казачки – казаки будут // Казачество. 2016. № 19. С. 26–37.

References

BELYAEV A.P. *Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom* [Memoirs of the Decembrist about the experienced and felt]. St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1882. 507 p. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Kazaki i gorcy Severo-Zapadnogo Kavkaza: poiski vzaimoponimaniya (konec XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [Cossacks and mountaineers of the North-West Caucasus: the search for mutual understanding (late XVIII – first half of the XIX centuries)]. IN: *Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury* [Questions of cossack history and culture]. Issue 8. Maykop, 2012. P. 22–28. (In Russian)

VELIKAYA N.N. *K istorii vzaimootnoshenij narodov Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [On the history of relations between the peoples of the Eastern Ciscaucasia in the XVIII–XIX centuries]. Armavir: ASPI, 2001. 191 p. (In Russian)

ZASEDATELEVA L.B. *Kul'tura i byt russkogo i ukrainskogo naseleniya Severnogo Kavkaza v konce XVI–XIX v.* [Culture and life of the Russian and Ukrainian population of the North Caucasus at the end of the XVI–XIX century]. IN: *Kavkazskij etnograficheskij sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Vol. VIII. Moscow, 1984. P. 38–64. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827)* [A.P. Ermolov's activity in the North Caucasus (1816–1827)]. Armavir: API, 1999. 134 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza* [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Pyatigorsk: PSLU, 2004. 113 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Novye dokumental'nye svidetel'stva o zhenshchinah – zhertvah gorskih nabegov v pervoj polovine XIX v.* [New documentary evidence about women victims of mountain raids in the first half of the XIX century]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 192–196. (In Russian)

KUBANSKIY M., BASKHANOV A. *Kazachka Serdyukova* [Cossack Serdyukova]. IN: *Leninskoe znamya* [Lenin's banner]. 1990. №№ 39–41. (In Russian)

MUTIEVA O.S. *Rol' zhenshchiny-kazachki v zhizni naseleniya Nizhnego Tereka v XIX – nachale XX vv.* [The role of a cossack woman in the life of the population of the Lower Terek in the XIX – early XX centuries]: abstract of a dissertation ... of a Candidate of historical sciences. Mahachkala, 2004. 20 p. (In Russian)

MUTIEVA O.S. *Zhenshchiny-goryanki v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Dagestana (XIV–XIX vv.)* [Mountain women in the socio-political life of Dagestan (XIV–XIX centuries)]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 212–217. (In Russian)

NEVSKAYA T.A. *Integraciya kul'tury zhizneobespecheniya slavyan, gorcev i kochevnikov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v.* [Integration of the culture of life support of the slavs, mountaineers and nomads of the North Caucasus in the XIXth – early XXth centuries]. IN: *Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii* [Cossacks and peoples of Russia: ways of cooperation and service in Russia]: materials of the correspondence scientific and practical conference. Krasnodar, 2008. P. 180–188. (In Russian)

OMEL'CHENKO I.L. *Terskoe kazachestvo* [Tersk cossacks]. Vladikavkaz: Ir, 1991. 301 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801)* [Two centuries of the tersk cossacks (1577–1801)]. Stavropol: Caucasian library, 1991. 383 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [The Caucasian war]. Vol. I. Stavropol: Caucasian territory, 1994. 678 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Establishment of Russian power in Caucasus]. Vol. III. Ch. 2. Tiflis, 1904. 590 p. (In Russian)

SMIRNOVA V.K., POROLO L.YU. «*Zhenskij vopros*» v kazach'em soobshchestve XVI – nachalo XX vv. [The «women's question» in the cossack community of the XVI – early XX centuries]. IN: *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog institute, named after A.P. Chehov]. 2016. № 2. P. 222–228. (In Russian)

THAMOKOVA I.H. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: El-Fa, 2000. 239 p. (In Russian)

FROLOV B.E. *Organizaciya oborony chernomorskoj kordonnoj linii v konce XVIII – pervoj treti XIX v.* [Organization of defense of the Black sea cordon line at the end of the XVIII – first third of the XIX century]. IN: *Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost'* [Caucasian war: lessons of history and the present]. Krasnodar, 1995. P. 101–111. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX vv.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni* [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – middle of the XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]: abstract of a dissertation ... of a Candidate of historical sciences. Armavir, 2004. 28 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Formirovanie boevyh navykov u kazachek Kubani v konce XVIII – seredine XIX v.* [Formation of combat skills among Kuban cossacks in the late XVIII – middle of the XIX century]. IN: *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza* [From the history and culture of the linear cossacks of the North Caucasus]. Krasnodar–Armavir, 2004. P. 57–59. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Rol' zhenshchin v processah mirnogo vzaimodejstviya kazakov i gorcev Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv.* [The role of women in the processes of peaceful interaction between Cossacks and mountaineers of the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. IN: *Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii* [Cossacks and peoples of Russia: ways of cooperation and service in Russia]: materials of the correspondence scientific and practical conference. Krasnodar, 2008. [Electronic resource]. Access mode: <http://m-serg1.livejournal.com/258782.html> (date of access September 20.09. 2021). (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Tureckie rabotorgovcy v processah severokavkazskogo plenoprodavstva: vyvoz kavkazskih i rossijskih plennic na vostok v XIX v.* [Turkish slave traders in the processes of the North Caucasian plenoprodavstvo: export of caucasian and russian captives to the east in the XIX century]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 279–289. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Yuzhnorossijskie kazachki v processah tradicionnogo plenoprodavstva: sud'by «kavkazskih plennic» v XIX v.* [South Russian cossacks in the processes of traditional plenoprodavstvo: the fate of the «kavkaz captives» in the XIX century]. IN: *Kazachestvo v sociokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskij opyt i perspektivy razvitiya* [Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects: theses of the All-Russian scientific conference (September 28–29, 2010, Rostov-on-Don). Rostov n/D., 2010. P. 257–260. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX v.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni* [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – middle of the XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]. Armavir: Poliprint, 2012. 236 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Fenomen zhenskoy voinstvennosti u narodov Severnogo Kavkaza. K postanovke problemy* [The phenomenon of female militancy among the peoples of the North Caucasus. To the problem statement]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.slavakubani.ru/neighbors/peoples-north-caucasus/fenomen-zhenskoy-voinstvennosti-u-narodov-severnogo-kavkaza-k-postanovke-problemy/> (date of access 13.08.2021). (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska. V 2 tomah. T. 1.* [History of the Kuban cossack host. In 2 volumes.]. Krasnodar: Soviet Kuban, 1992. 736 p. (In Russian)

SHCHUPLINKOV O.V. *Byli by kazachki – kazaki budut* [If there were cossacks women, there will be cossacks men]. IN: *Kazachestvo* [Cossacks]. 2016. № 19. P. 26–37. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.